

ИСЛАМ И ОБЩЕСТВО

УДК 301:29

З.М. Абдулагатов

«Антиваххабитский» закон в контексте общественного мнения^{}**

Отдел социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН ДНЦ РАН, e-mail: Zaid48@mail.ru

В статье на основе социологических опросов в республиках Дагестан, Кабардино-Балкария и Чечня выявлено отношение общества к законодательному запрету ваххабизма на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: *ваххабизм, закон, салафизм, экстремизм, запрет.*

It is revealed on the basis of sociological poll the opinion of the peoples of Republic of Daghestan, Chechnya and Kabardino-Balkaria about legislative ban of Vahhabism on the territory of Russia in the article.

Keywords: *Vahhabism, law, Salafism, extremism, ban.*

На основе отношения верующих к ваххабизму на Северном Кавказе можно сделать вывод о том, к кому типу салафизма – к экстремистскому, в смысле религиозно-политического экстремизма, или к народному салафизму, как проявлению индивидуальных склонностей вероисповедования, они относятся с одобрением. В связи с этим в опросах в РД, КБР и ЧР был задан вопрос о необходимости запрета ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического, экстремистского течения. Президентом ЧР А. Кадыровым в 2001 году был объявлен запрет на деятельность ваххабитских организаций на территории республики. В том же году в КБР был принят Закон № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности». Такой же Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» был принят НС РД 16 сентября 1999 г. По поводу этих законов, особенно закона РД, идут жаркие споры, охватившие различные слои населения. По сути, общество разделилось в своих оценках явления, обозначенного на Северном Кавказе как «ваххабизм».

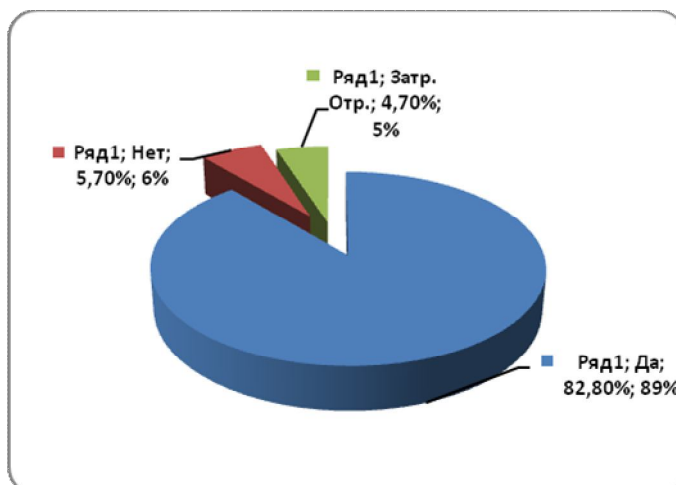
1. Результаты социологических опросов

В РД вопросы, касающиеся данной проблемы, задавались в ряде опросов. Эти опросы касались различных аспектов проявления салафитского сознания в республике.

В 2002 году он был задан в следующей форме: «Как Вы считаете, ваххабизм – религиозно-экстремистское течение, которое должно быть запрещено во всей территории России? – Да; – Нет; – Затрудняюсь ответить».

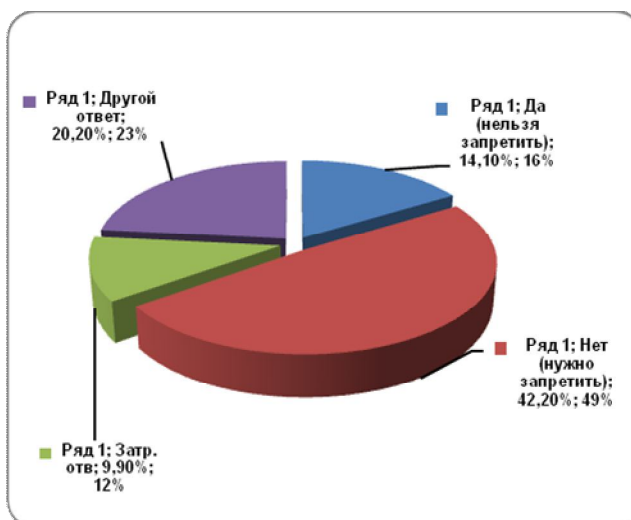
^{**} Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Светская культура и ислам в современном Дагестане (по материалам молодежной среды)» № 11-03-18011е.

Диаграмма № 5. РД. 2002 г. N = 460
Распределение ответов по позиции: «Ваххабизм как религиозно-экстремистское течение должен быть запрещен на всей территории России»

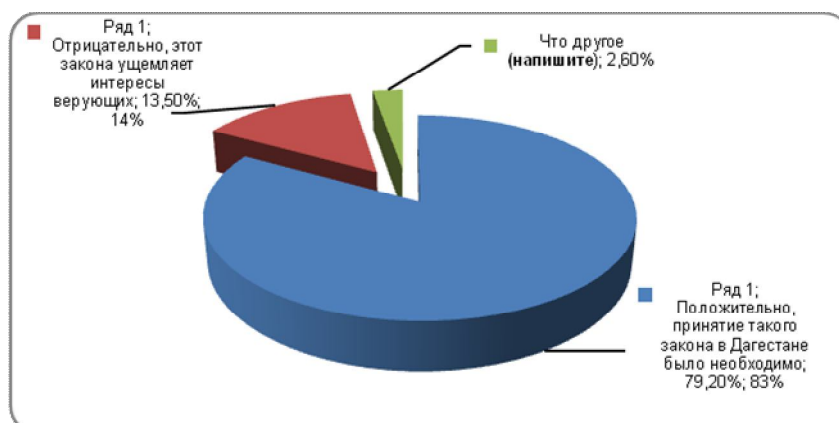
Представляют интерес ответы на тот же вопрос, но сформулированный в другой форме. Особенность вопроса была в том, что в формулировке не было выражения «ваххабизм – религиозно-экстремистское течение», которое надо было оценить. Новая формулировка звучала так: «Как Вы считаете, ваххабизм – это мусульманское религиозное течение? Его запрет – ограничение свободы вероисповедания, которое нельзя допустить? – Да; – Нет; – Затрудняюсь ответить. – Что другое хотите сказать по этому поводу?»

Диаграмма № 6. РД. 2002 г. N = 460
Распределение ответов по позиции: «Ваххабизм нельзя запретить, т. к. это будет ограничением свободы вероисповедания»

Дагестанцам был отдельно задан вопрос об их отношении к принятому в РД «анти-ваххабитскому» закону.

Диаграмма № 7. РД. 2002 г. N = 460.
**Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к принятию
 «антиваххабитского» закона в РД?»**

В данном случае оценки несколько сместились в сторону салафитских позиций. (Это так, потому что ваххабизм действительно считается одним из салафитских течений в исламе.) В частности, относящихся отрицательно к запрету «ваххабизма» в РД оказалось почти в два с половиной раза больше, чем в России. По оценкам же экспертов, наоборот, в России в целом такой закон не нужен, но в Дагестане он был необходим^{††}. Объяснить различия в позициях дагестанцев по этим, вроде, одинаковым вопросам можно тем, что часть дагестанцев озабочена защитой не столько религиозно-политических проявлений салафизма, сколько мирных конфессиональных потребностей верующих.

Анализируя данные диаграммы № 5, необходимо обратить внимание еще на следующее. В диаграмме вопрос по своей форме делал акцент на официальной точке зрения, связанной с отождествлением ваххабизма и экстремизма, которая была выражена в названии и содержании «антиваххабитского» закона РД.

Во втором случае оценивалась позиция, более свойственная индивидуальному, не вовлеченному в религиозно-политические структуры салафизму, часто называемому «умеренным» салафизмом.

Как видно из сравнения диаграмм № 5 и 6, в отношении второго проявления ваххабизма запрет поддерживается большим числом опрошенных, чем в первом случае. Это означает, что ваххабизм как религиозно-политический экстремизм в действительности оценивают 42,2 % опрошенных.

Таким образом, можно говорить о двух тенденциях в общественном мнении в отношении ваххабизма:

1. Религиозно-политическая форма салафизма (ваххабизма) как проявление экстремизма преобладающим большинством населения РД (82,8 %) не одобряется. Она, по их мнению, должна быть запрещена законодательно;

2. В то же время не политические формы умеренного салафизма в общественном мнении находят значительно меньше протеста, хотя и в этом случае законодательный запрет ваххабизма в массовом сознании дагестанцев преобладает.

В пользу правовой защиты различных проявлений ваххабизма в 2002 г. выступали от 6 до 14 % опрошенных дагестанцев. В первом пункте сделанных выводов в реализации

^{††}Эта оценка высказана доктором философских наук, главным редактором газеты «Все об исламе», помощником Председателя Совета муфтиев России Али-Вячеславом Полосиным в личной встрече с автором в сентябре 2002 г. Как сказал А.-В. Полосин, «с принятием всероссийского антиваххабитского закона всех приезжающих в Москву северокавказцев милиция будет хватать еще на вокзалах».)

требований общественного мнения можно найти приемлемые законом варианты. Например, если нельзя запретить ваххабизм как религиозное течение, как массовое явление, имеющие свою историю, свою мирную реализацию (например, в Королевстве Саудовская Аравия), то можно запретить организации, обозначающие свою политическую деятельность как террористическую, экстремистскую. В Дагестане были такие организации: «Джамаат Дагестана» (Багаутдин Магомед), «Джамаат Шариат» (Раппани Халилов), «Джаннет» (Расул Макашарипов).

Во втором случае запрет ваххабизма опрошенные осознанно отождествляют с ограничением свободы вероисповедования. Это говорит о том, что ваххабизм как явление в исламе в общественном мнении считается объективным носителем радикально-экстремистской идеологии. Насколько будет законен такой запрет и как можно запретить отдельному верующему исповедовать ту форму религии, которую он считает верной, – вопрос не из легких. Речь в данном случае идет о конфессиональном поведении личности, т. е. о том, во что он хочет верить, какие ритуалы он хочет соблюдать, как молиться и сколько раз в день, хочет ли верующий иметь своего шейха (устаза) или нет, считает ли необходимым посещать зияраты, участвовать в процедуре зикра. Эти и другие вопросы не могут быть предметом регулирования светских законов. Решающими в регулировании подобных вопросов не могут быть и оценки общественного мнения. Эти оценки могут иметь лишь характер морального осуждения или одобрения, т. е. выполнять роль нравственных регулятивов.

По данному вопросу часть респондентов дала ответы по пункту «Что другое хотите сказать?» Наиболее характерными из них были следующие:

- Запретить ваххабизм нужно. Но запрет должен быть временным.
- Закон должен быть против тех, кто использует ваххабизм против интересов общества.
- Умеренный салафизм (без экстремизма) допустим.
- Закон о ваххабизме не действует.
- Под закон попадают стрелочники.
- Закон о ваххабитах есть попытка задним числом и одним ударом решить сложную, многосоставную проблему, не имеющую такого простого решения.
- Ваххабизма нет, это политика.
- Экстремизму нет места в цивилизованном обществе.
- Закон должен быть доработан (работник народного образования).
- Запретить невозможно, разрешить нельзя.
- Ваххабиты – враги народа.

Еще один немаловажный штрих к характеристике салафизма, выражаемого в ответах на данный вопрос, – это ответы верующих на вопрос «Какую религию, если Вы верующий, исповедуете?» В отличие от других, в данном опросе было предложено одним из вариантов ответа указать на тот мазхаб, который исповедуется респондентом («Ислам (какой мазхаб, укажите)»). Как оказалось, лишь незначительная часть выборки (менее 1 %) ответила на этот вопрос. Автор склонен считать, что респонденты не то что не захотели, а скорее не знали ответа на этот вопрос.

Полученный результат говорит и о том, что проявление салафитского сознания у массового верующего весьма смутно: он не только не понимает, что возврат к салафизму времен пророка Мухаммада и праведных предков предполагает отказ от следования мазхабам (Таклид), но и не осознает, в каком мазхабе он исполняет свои исламские обязанности. Как известно, в Дагестане наиболее распространен шафиитский мазхаб. Небольшая часть населения – у некоторых северных кумыков и ногайцев – ханафитский. Часть южных дагестанцев – шииты.

Необходимо отметить, что и по другим частным вопросам ваххабизм нашел поддержку у части населения:

– 20,4 % опрошенных в Дагестане характеризуют ваххабизм как течение в исламе, которое требует упрощения религиозной жизни запретами на различные обряды (поклонение святым, пышные похороны и др.);

– 12,8 % опрошенных считают, что ваххабизм есть «реакция людей на несправедливость в отношении ислама, его носителей, со стороны государства». В горной зоне этот показатель оказался еще выше – 20,8 %;

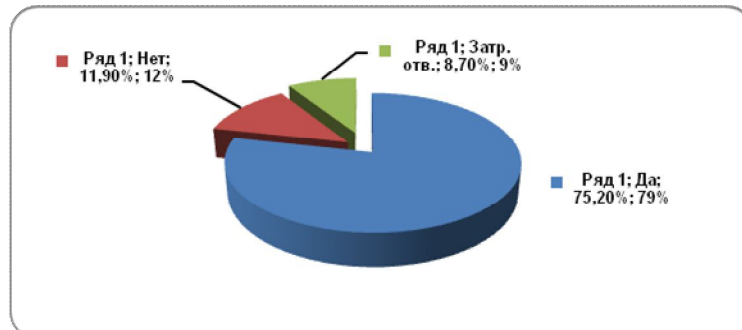
– Как неполитическое конфессиональное явление рассматривают ваххабизм 22,1 % опрошенных.

Все это показывает сложный характер воздействия салафитской идеологии на сознание дагестанцев. В нем оказались противоречиво совмещенными желание сохранить в первозданности свою религию, защитить общественную стабильность от религиозно-политического экстремизма, отличить экстремистское от неэкстремистского, и отсутствие достаточных представлений о том, что такое салафизм и как относиться к нему, в каких границах он может развернуть свою конфессиональную деятельность, а в каких – политическую.

В проведенных в КБР и ЧР в 2011 г. опросах отношение к правовому запрету ваххабизма выявлялось вопросом: «Как Вы считаете, есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?». По сути, этот вопрос повторял один из заданных вопросов о салафизме в Республике Дагестан.

Диаграмма № 8. КБР. 2011 г. N = 286

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?»

Отметим, что соответствующий закон КБР не делает акцента на понятии «ваххабизм», как это имеет место в законе РД. Его название начинается со слов: «О запрете экстремистской религиозной деятельности ...». Тем не менее, в дискурсе о противодействии религиозному экстремизму в различных общественных, политических, религиозных кругах КБР широко используется это понятие. Оно же используется и в научных публикациях авторов, которые исследуют проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе [1]. Название закона КБР было выбрано не случайно: имевшая место сильная критика соответствующего закона РД, принятого ранее, в связи с неопределенностью в нем центральных понятий «ваххабитская деятельность» и «ваххабитские организации», сыграла здесь свою роль. Но, как оказалось, и в законе КБР имелись свои недостатки.

Так, в ст. 16 «Собрание граждан по религиозному мотиву без уведомления» определена норма: «Собрание граждан по религиозному мотиву без письменного уведомления органа местного самоуправления (за исключением мероприятий, связанных с отправлением традиционных обрядов и обычаев Кабардино-Балкарской Республики), – влечет наложение штрафа в размере от семидесяти до ста минимальных размеров оплаты тру-

да» [5]. Данное ограничение считается противоречащим гарантиям прав и свобод человека с точки зрения их определения Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях». Такого рода ограничение уместно в тех случаях, когда соответствующие действия имеют публичный характер и затрагивают общественный порядок, т. е. когда они выходят за рамки чисто конфессионального мероприятия.

Другой недостаток можно усмотреть в том, что само понятие «религиозный экстремизм» недостаточно определено законом.

По мнению В.В. Лапаевой, «законодательство, направленное на противодействие политическому экстремизму и тем формам проявления религиозного экстремизма, которые имеют политический характер, представляет собой достаточно развитую систему нормативных актов.

Иное дело – собственно религиозный экстремизм, специфика и различные проявления которого не получили еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в законодательстве» [7].

В законе КБР религиозный экстремизм определяется указанием на конкретные формы деятельности, которые будут по закону классифицироваться как религиозный экстремизм. К их числу относятся:

1. Пропаганда неповиновения органам государственной власти и ее представителям (ст. 5);
2. Незаконное занятие религиозной образовательной деятельностью (ст. 13);
3. Приставание к гражданам с целью приобщения к религиозному вероучению (ст. 14);
4. Пропаганда религиозного вероучения, представляющего угрозу общественной безопасности, правам и законным интересам граждан (ст. 15);
5. Собрание граждан по религиозному мотиву (ст. 16);
6. Склонение малолетних к исповедованию либо отказу от исповедования религии вопреки воле родителей или лиц, их заменяющих (ст. 17);
7. Приобщение несовершеннолетних к религии вопреки воле родителей или лиц, их заменяющих (ст. 18);
8. Вовлечение малолетних в религиозную деятельность вопреки воле родителей или лиц, их заменяющих (ст. 19);
9. Понуждение к определению своего отношения к религии (ст. 20);
10. Понуждение к религиозной деятельности (ст. 21);
11. Пропаганда превосходства одного вероучения над другим (ст. 22).

Эксперт В.В. Лапаева считает, что это хорошее развитие закона «О свободе совести и религиозных объединениях» [7].

Тем не менее, решение вопроса на этом эмпирическом уровне, безусловно, при всех достоинствах такого подхода, не дает ответа на вопрос, что же такое религиозный экстремизм. Более того, здесь умалчиваются наиболее интригующие стороны проблемы. Так, в п. 4 приведенного выше списка запрещена пропаганда религиозного вероучения, представляющего угрозу общественной безопасности и законным интересам граждан (ст. 15). Из этой нормы неясно, надо запретить ваххабизм или нет. Если да, то мы вновь возвращаемся к проблемам, которые встали в связи «антиваххабитским» законом РД. Если нет – неясно, как мы должны решить проблему, которая действительно имеет место. Закон КБР, как и закон РД, не доведен до правовой конкретизации различия в проявлениях религиозных форм деятельности, где заканчиваются права верующих как неотъемлемые права человека, а где в права входят интересы общества в целом, государства.

Можно считать, что более 75 % опрошенных в КБР частично определяют эту границу (см. диаграмму № 8). В данном случае население КБР, которое длительное время было подвержено угрозам взрывов, нападений на духовных лиц, на представителей правоохранительных органов, те, которые хорошо помнят события 13–14 октября

2005 г., когда в течение 2-х дней были убиты сотни людей, видели в этих событиях не просто религиозный экстремизм, а его особое проявление в лице религиозно-политического экстремизма. 75 % – это протест религиозно-политическому экстремизму, который вырастает не иначе как на почве, вроде бы, безобидного религиозного экстремизма, связанного с выполнением обычных религиозных обязанностей.

Анализ ответов на данный вопрос в разрезе «фундаменталистов», «модернистов» и «затруднившихся ответить» на вопрос о необходимости перемен в исламском сознании показал:

1. Среди «модернистов» считающих необходимым запрет ваххабизма больше, чем среди «фундаменталистов» и «затруднившихся ответить» (82,6 %, 74,2 и 65,3 % соответственно);

2. Среди «фундаменталистов» больше тех, кто, считает, что необходимости в запрете «ваххабизма» на всей территории России нет («фундаменталисты» – 13,9 %; «модернисты» – 8,1 %; «затруднившиеся ответить» – 12,2 %).

Эти результаты показывают, что деление респондентов на «фундаменталистов» и «модернистов», проведенное по ответам на «основной вопрос» исламского фундаментализма, находит и здесь свое частичное подтверждение.

Анализируя данные опроса, нельзя не заметить, что «затруднившиеся ответить» по своей позиции больше склонны к «фундаменталистской» позиции, чем к «модернистской». Тем самым они усиливают лагерь «фундаменталистов» в КБР, но говорить о различиях принципиального характера не приходится: а) в обоих субъектах РФ явно обозначено одобрение принятия всероссийского «антиваххабитского» закона; б) КБР и РД салафизм находит своих сторонников среди относительно небольшой части опрошенных.

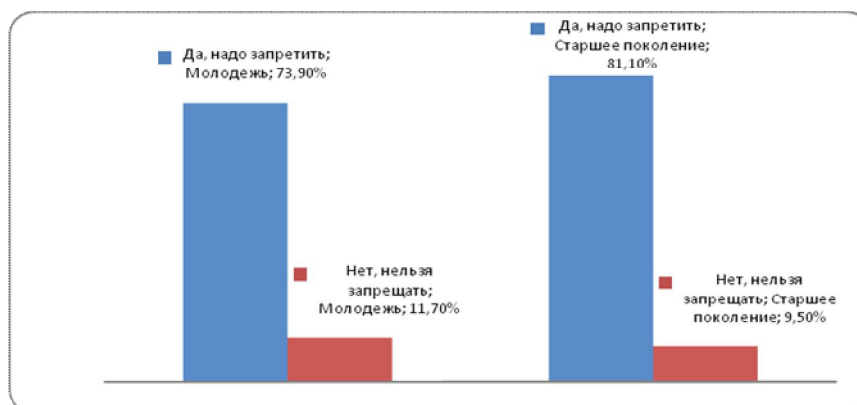
Вопрос о том, каким будет отношение у населения к салафитам, связан со множеством факторов. Например, смогут ли легимитизироваться умеренные салафиты в российском правовом пространстве. Как считает первый заместитель председателя Правительства РД Р. Курбанов, «в перспективе, конечно, этот закон следует отменить, но не сегодня. Это вызовет слишком сильный ажиотаж в обществе» [3]. Отмена закона, естественно, усилит позиции салафитского сознания в регионе.

Другой фактор – это мусульманское образование за рубежом. Известно, что оно является причиной радикализации исламского сознания в регионе. Пока запреты в решении вопроса роли не играют. Приемлемого с точки зрения интересов государства и прав человека варианта решения проблемы пока нет. Действующая в РД норма – возможность обучения исламским наукам за рубежом только с разрешения ДУМД, с одной стороны, считается незаконной, с другой – трудно поддается контролю. Проблема зарубежного исламского образования имеет место и в других регионах.

Свое влияние на развитие событий может иметь и образовательная система, как светская, так и религиозная. Первая – по причине отсутствия должной воспитательной работы, в частности в связи с полным отсутствием пропаганды атеистических взглядов, ослаблением роли светских ценностей в образовательном социализационном процессе. Эта ситуация в светской школе может усугубиться в связи с обязательным преподаванием религиозных ценностей по программе духовно-нравственного воспитания. Вторая – по причине того, что фундаментализм имеет место не только в салафитском религиозном сознании, но и в традиционном. Хорошо известно, что первые появившиеся в условиях начала становления либерально-демократических ценностей в России салафиты – А. Ахтаев, Б. Магомед (Кебедов), А. Астраханский (Омаров) – это салафиты из дагестанского тарикатского традиционного ислама, а не агенты, выписанные из арабских стран и внедренные в нашу реальность. Они – продукт дагестанских условий, где немаловажную роль играла и играет сложная и до сих пор неподконтрольная государству исламская образовательная система.

Есть и другие социальные факторы влияния на дальнейшее развитие салафитского сознания в регионе, имеющие внешний и внутренний характер, но в любом случае они связаны с будущим поколением, молодежью. Сравнение позиций молодежи и старшего поколения – один из важных показателей динамики данного явления. Структура ответов на вопрос о запрете ваххабизма на всей территории России в разрезе «молодежь – старшее поколение» дана в следующей Гистограмме.

Гитсторграмма № 1. КБР. 2011 г. N = 283
Распределение ответов на вопрос о запрете ваххабизма на всей территории России

Как видно из гистограммы, имеет место обозначенная ответами опрошенных ситуация, которая будет со временем способствовать росту положительной оценки «ваххабизма». Данные возрастные особенности приобретают еще более контрастный характер, если сравнить возрастные категории «до 20 лет» и от «20 до 29 лет». Как оказалось, группа «до 20 лет» по сравнению с группой «от 20 до 29 лет», хоть и незначительно, но менее настроена против «антиваххабитского» закона (72,1 против 76,6 %). И наоборот, в этой группе больше считают, что такой закон не нужен (13,5 против 9,1 %).

Наличие приведенных выше факторов может в будущем усилить салафитскую составляющую исламского сознания населения.

Наибольшие проблемы традиционному исламу и государству на Северном Кавказе салафизм в лице ваххабизма создал в конце XX века на территории Чеченской Республики. Специфика Чечни в конфессиональном плане заключалась в том, что в суфийском ритуале сохранились доисламские обычаи. Кроме того, в отличие от Дагестана, суфизм в Чечне не только замкнулся в рамках своего тариката, но и чаще ограничивался пределами отдельного тейпа – глава тариката одновременно являлся и главой тейпа. Кроме того, чеченские суфийские тарикаты в период высылки чеченцев и ингушей в 1944–1957 гг. оказались под значительным влиянием среднеазиатского ислама [2, с. 407]. Поэтому местный традиционный ислам приобрел особенности, которые противоречили догматическим канонам нормативного ислама. В связи с этим салафитские лидеры стремились дистанцироваться от традиционного ислама.

Кроме этих чисто конфессиональных причин были и политические, которые сыграли большую роль в усилении роли салафизма в Чечне.

1. Во-первых, первая чеченская война 1994–1996 гг. Салафизм сыграл свою консолидирующую, мобилизующую роль в противостоянии чеченцев федеральной власти, в усилении сепаратизма под лозунгами борьбы против неверных, кафириков.

2. Во-вторых, влияние салафизма усиливалось и в связи с тем, что он пытался разрешить внутричеченский раскол, обусловленный усилением конфликта между двумя господствующими в республике тарикатами – накшбандийским и кадирийским. Как известно, салафизм не признает не только суфийский путь к познанию Всевышнего, но и наличие различных течений, мазхабов в исламе.

Одна из важных особенностей проявления салафизма в Чечне связана с различием терминального и инструментального содержания в салафитской деятельности. В первом случае речь идет о той салафитской деятельности, которая преследовала исламские профессиональные цели, во втором – об использовании салафизма ради достижения иных целей, является инструментом для достижения неисламских политических целей. В Чечне, особенно в период второй чеченской войны (1999–2000 гг.), салафизм использовался преимущественно как идеологический инструмент. Вначале ни Джохар Дудаев, ни А. Масхадов не ассоциировали себя с ваххабитами. Более того, таковым себя, вплоть до середины 90-х годов, по мнению эксперта С. Маркедонова, не считал себя даже Ш. Басаев [8]. Но политические цели, в конце концов, оказались важнее.

Президент А. Кадыров в 2001 г., после разгрома федеральными войсками ваххабитских военных формирований, своим указом запретил на территории Чечни деятельность ваххабитских религиозных организаций. Это означало закрытие ваххабитских мечетей и неформальных религиозных учебных заведений [10].

Если быть объективным, указ о запрещении ваххабизма в Чечне фактически означал, что к экстремизму приравнивается всякое несуннитское течение. А. Кадыров предложил принять федеральный закон, запрещающий ваххабизм.

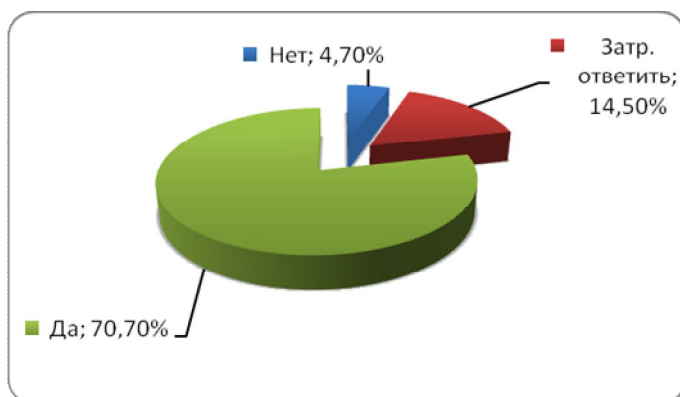
Тем не менее, салафитское сознание в Чечне до сих пор находит поддержку. Привлечение молодежи в ряды салафитов как в Чечне, так и во всем Северо-Кавказском регионе носителями исламской идеологии продолжается. Свою роль в этом многофакторном процессе играет и зарубежное исламское образование. Считается, что в настоящее время такое образование получают 500 молодых людей из ЧР.

В последнее время салафитская террористическая активность в ЧР спадает. Если в 2003 г. в Чечне зарегистрировано 492 теракта, то в 2004 г. их было 214. Эксперты считают, что общая ситуация на Северном Кавказе все же остается тревожной, и это связано с осложнением ситуации в соседних с Чечней республиках, в т. ч. и в Дагестане [4]. Развитие событий показало, что к десятилетию разгрома бандформирований, вторгшихся в Дагестан со стороны Чечни, ситуация вновь обострилась, а в чем-то стала хуже. Как заметили наблюдатели, раньше было хорошо известно, где враг, сейчас эта определенность в Дагестане исчезла.

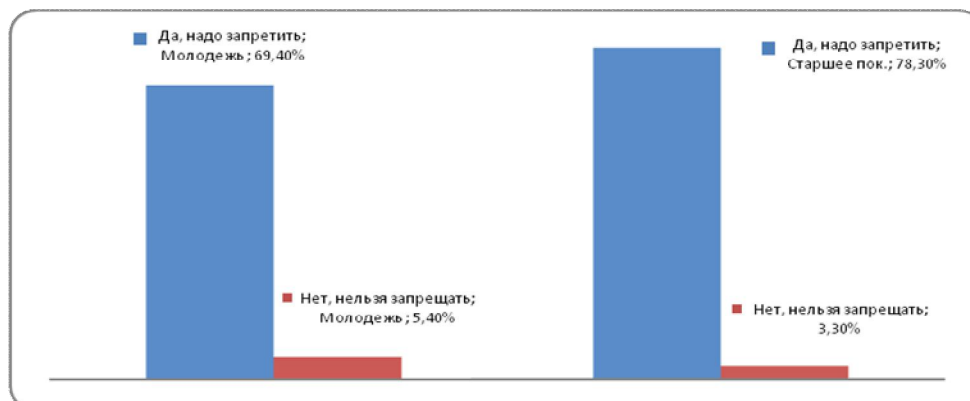
В диаграмме № 9 и гистограмме № 2 даны результаты опроса в ЧР в отношении «антиваххабитского» закона.

Диаграмма № 9. ЧР. 2011 г. N = 256.

Распределение ответов на вопрос «Есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?»

Гистограмма № 2. ЧР. 2011 г. N = 256
Распределение ответов на вопрос о запрете ваххабизма на всей территории России

В отличие от РД и КБР, Чеченская Республика не имеет своего антиваххабитского закона. Как говорилось выше, в республике ваххабизм был запрещен указом Президента ЧР. В свое время А. Кадыров предложил принять на федеральном уровне закон о привлечении к ответственности приверженцев ваххабизма. То же самое было сделано и НС РД. По известным причинам такой закон не был принят. Как показано в диаграмме № 9, большинство опрошенных в ЧР считают, что такой закон необходим. Молодежь ЧР в целом также против ваххабизма. И в данном случае в ответах на вопрос имелись различия между «фундаменталистами» и «модернистами».

Таблица № 1. ЧР. 2011 г. N = 256.
Распределение ответов на вопрос «Есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?».
«Фундаменталисты» – «Модернисты» (%)

Группы выборки	Варианты ответов	Да	Нет	Затр. ответить
«Фундаменталисты»		71,2	5,5	12,8
«Модернисты»		85,7	0,0	14,8
Возможности перемен в исламе		63,3	0,0	26,7
Общее		70,7	4,7	14,5

Эти различия еще раз подтверждают большую склонность условных «фундаменталистов» к реальной поддержке ценностей салафизма, чем «модернистов».

Наконец, в следующей таблице даны общие результаты ответов в трех республиках на вопрос об отношении к всероссийскому антиваххабитскому закону.

Таблица № 2. РД, КБР, ЧР. N = 993.
Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?» (%)

Группы выборки	Варианты ответов	Да	Нет	Затр. ответить
РД		82,8	5,7	4,7
КБР		75,2	11,9	8,7
ЧР		70,2	4,7	14,5
Общее		75,6	7,8	9,8

Несмотря на то, что преобладающее большинство опрошенных высказалось за запрет ваххабизма на всей территории РФ, говорить о том, что это протест против ваххабизма вообще, не приходится. Как было показано на примере Дагестана, запрет ваххабизма **как религиозного течения** одобряют 42,2 %, что почти в два раза меньше поддерживающих общероссийский антиваххабитский закон (82,8 %). К сожалению, такой вариант вопроса не был задан в КБР и ЧР.

Для выявления салафитского сознания на Северном Кавказе был поставлен вопрос: «Как Вы относитесь к ваххабизму?» Этот Вопрос в пяти республиках Северного Кавказа задало Агентство Medium-Orient, базирующееся в г. Прага. Опрос проведен в 2010 г. в РД, ЧР, КБР, РИ, КЧР. Выборка – 2000 респондентов. Опрос ставил цель выявить, «каким образом изменилось отношение мусульман Северного Кавказа к другим конфессиям... в результате длительного вооруженного конфликта на Северном Кавказе» [6, с. 234]. В разрезе данной цели и выяснялось отношение населения к ваххабизму. Это одно из немногих конкретно-социологических исследований последних лет по данному вопросу на Северном Кавказе.

Таблица № 3. 2010 г. N = 2000
Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к ваххабизму?»(%)

Группы опроса	Оценки	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затр. ответ.
Кабардино-Балкария		20	19	22	39	0
Чеченская Республика		0	9	24	62	4
Республика Ингушетия		8	8	21	43	20
Республика Дагестан		0	0	7	90	3
Карачаево-Черкесская Республика	Республика	22	20	20	34	4
Всего		11	11	19	54	6

По некоторым пунктам, например, одобрения ваххабизма в КБР, понять результаты опроса трудно. Хотя в целом отрицательное отношение к данному явлению на Северном Кавказе показано убедительно (73 %).

Краткие выводы

1. Готовящийся в Республике Дагестан опрос общественного мнения неизбежно получит основным результатом необходимость продления правового запрета ваххабизма в республике. То есть мы вернемся к тому, что имеем, при наличии острых противоречий внутри общества по данному закону. Такой результат опроса определяется множеством факторов, в том числе и самой формулировкой вопроса, где в словосочетании «ваххабитская и иная экстремистская деятельность» ваххабизм однозначно отождествляется с экстремизмом. Естественно, что при данных обстоятельствах не все респонденты понимают возможность иных проявлений ваххабизма как религиозного течения и могут соответственно оценить их.

2. Имеющийся в анкете вариант ответа «Считаю, что его (закон. – А.З.) надо изменить и дополнить» будет выбран частью опрошенных. Тем не менее, главные вопросы и здесь останутся без ответа. Изменить в чём? Дополнить чем? Ответы на эти вопросы может дать другая анкета.

3. Никакая анкета не сможет разрешить следующую ситуацию. Как показал опрос, разница между теми, кто за запрет ваххабизма как религиозно-экстремистского течения в исламе, и теми, кто за запрет ваххабизма как религиозного течения на территории России, оказалась существенной: 82,8 и 42,2 % (опрос в РД). Вновь возникает вопрос, что такое ваххабизм как религиозно-политический экстремизм, на который не был дан

ответ в законе 1999 года. Такого ответа нет не потому, что об этом не думали, а потому, что ответ на него оказался непростым. Длинной бородой и короткими штанишками решать сложную правовую проблему оказалось невозможно. Придание всех черт и особенностей саудовско-аравийского ваххабита любому салафиту неправомерно, тем более что лидеры дагестанских салафитов открыто говорили, что они не ваххабиты, а шафииты, но в то же время – фундаменталисты. Отождествление салафизма с каким-либо известным течением в исламе показывает свою непродуктивность, несмотря даже на то, что отдельные течения ислама эксперты называют салафитскими. В условиях глобальных политических и культурных потрясений любое направление в исламе может актуализировать свой протестный потенциал. Такой потенциал политического характера, в силу его особенностей, в исламе намного выше, чем в других религиях: ислам изначально политизированная религия.

4. Если представить себе, что проведен адекватный проблеме опрос или даже референдум, в результате чего выявилось преобладающее негативное отношение населения к салафизму (ваххабизму), вряд ли можно этим оправдать принятие «антиваххабитского» закона в том виде, в каком он принят в РД. Есть права меньшинства, которые не могут быть ликвидированы большинством, если они не противоречат Конституции РФ. Так, референдум в современном Дагестане вполне может дать основание для запрета деятельности атеистов, свидетелей Иеговых и других социальных групп, которые оказались в обществе в меньшинстве. В то же время их деятельность никаким указом со ссылкой на общественное мнение не может быть поставлена вне закона в условиях современной России. То же самое верно в отношении носителей мирных салафитских конфессиональных ценностей. Такая вера, согласно нормам либеральной демократии, не может быть запрещена законом.

5. В салафизме можно усмотреть потенциальную угрозу в связи с его колоссальными протестно-политическими возможностями светским ценностям, государству. Но потенциальное и реальное – разные состояния бытия. Одна из сторон их различий состоит не только в том, что потенциальное как возможность может остаться на абстрактном уровне (философия различает абстрактную и реальную возможности), но и в том, что этот опасный переход возможного в реальное сильно зависит от поведения не только верующих, но и государства в отношении гражданина.

6. Отвечая на вопрос, как противодействовать религиозно-политическому экстремизму правовыми методами, исходя из результатов исследования, можно предложить следующее:

а) Не вносить в название закона, как и в его содержание, термины *ваххабитская* или *салафитская* деятельность (идеология, экстремизм и т. д.), чтобы избежать однозначного связывания экстремистской деятельности с какими-либо исторически возникшими, тем более развернувшими свою мирную деятельность в отдельных странах, религиозными течениями. Ваххабизм является таким течением.

б) Можно и нужно говорить о религиозном экстремизме, который проявляет себя различным образом, в т. ч. и в форме ваххабитской идеологии. В этом смысле заслуживает внимания закон, принятый в Кабардино-Балкарской Республике. Если удастся избежать эмпирического характера определения «религиозного экстремизма», данного в этом законе, установить обобщенное понимание этого явления, то можно говорить об оптимальном решении вопроса.

г) Такой закон должен быть «открытым», т. е. по закону должна быть дана возможность создавать, а при необходимости и дополнять списки религиозных организаций, деятельность которых запрещена на территории РД (в т. ч. КБР, ЧР и т. д.) как экстремистских. Опыт проведения такой работы имеет место в российском правовом пространстве.

Литература

1. Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? – Махачкала, 1999. – 46 с.; Аккиева С.И. Ислам в КБР. – М., 2009. – 136 с.; Ярлыканов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. – М., 2000. – 22 с.
2. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М., 2007. – С. 407, 266.
3. Алленова О. «Мы салафиты. Или, как вы нас называете, ваххабиты, враги» // <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-26320.html>.
4. Добаев И.П. Война на Кавказе: реалии и перспективы // <http://www.novopol.ru/material/13685.html>. 26.10.2005.
5. Закон КБР от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» // <http://kabardinobalkaria.news-city.info/docs/sistemsx/dok>.
6. Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. И. Текушева и К. Шевченко. – Прага, 2011. – 234 с.
7. Лапаева В.В. Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства // <http://www.lavmix.ru/comm/5611/>
8. Маркедонов Ш. Кавказский призрак ваххабизма – миф или реальность? // <http://www.ansar.ru/arhives/05.08.02.left.htm>.
9. Независимая газета. 08.08.2001
10. Фонд мечеть // <http://mechet.perm.ru>.
11. Текушев И., Шевченко К. Ислам на Северном Кавказе: социологическая ретроспектива // Ислам на Северном Кавказе: История и современность. – Прага, 2011. – С. 191.

Поступила в редакцию 21 ноября 2011 г.